

18+

Каноко Окамото

Солнце нагорья

Новеллы

Каноко Окамото

Солнце нагорья. Новеллы

«Издательские решения»

Окамото К.

Солнце нагорья. Новеллы / К. Окамото — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-675936-7

Особый стиль Каноко — это сплав поэтичности и философской насыщенности. Её герои часто оказываются на границе миров: света и тьмы, сна и яви, жизни и смерти. Писательница мастерски использует буддийские мотивы не как дидактику, а как инструмент для раскрытия внутренних конфликтов. Впервые на русском.

ISBN 978-5-00-675936-7

© Окамото К.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие от составителя и переводчика	6
Пот	7
Мост	9
Любовь, о любовь	11
Моти	12
Любопытная хозяйка	13
Бедные жёны	14
Неведомые чайные дома	15
Брат и сестра	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Солнце нагорья Новеллы

Каноко Окамото

Переводчик Pavel Sokolov

Составитель Pavel Sokolov

© Каноко Окамото, 2026

© Pavel Sokolov, перевод, 2026

© Pavel Sokolov, составитель, 2026

ISBN 978-5-0067-5936-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от составителя и переводчика

Имя Окамото Каноко (1889—1939) занимает особое место в японской литературе XX века. Писательница, поэтесса, буддийская мыслительница – её творчество словно мост между традиционной японской эстетикой и модернистскими поисками новой эпохи. Этот сборник представляет читателю многогранный талант Каноко, где каждая история – это не просто повествование, а глубокая медитация на вечные темы: природа любви, границы человеческого восприятия, поиск духовной истины. При чтении может сложиться обманчивое впечатление, будто писала эти новеллы этакая «японская Тэффи». Это далеко не так.

Окамото Каноко писала в эпоху радикальных перемен, когда Япония стремительно модернизировалась, а традиционные ценности подвергались переосмыслению. Её проза впитала эту двойственность: с одной стороны – тонкое понимание буддийской философии (Каноко была преданной последовательницей школы дзёдо-синсю), с другой – смелые формальные эксперименты и психологическую глубину, сближающую её с западным модернизмом. Возьмём, например, её рассказ «Свет и тьма», историю брака слепого мужчины и зрячей женщины, где метафора слепоты становится поводом для исследования границ человеческого взаимопонимания.

Особый стиль Каноко – это сплав поэтичности и философской насыщенности. Её герои часто оказываются на границе миров: света и тьмы, сна и яви, жизни и смерти. Писательница мастерски использует буддийские мотивы не как дидактику, а как инструмент для раскрытия внутренних конфликтов. Например, в «Свете и тьме» слепота героя – не только физический недостаток, но и символ непостижимости чужой души, даже для самых близких людей.

Каноко также блестяще передаёт «моно-но аварэ» («печальное очарование вещей») – ключевую категорию японской эстетики. Её пейзажи не просто фон: шепот листьев, отблески света на воде, запах увядающих цветов становятся полноправными «персонажами», отражающими душевные состояния героев.

Этот сборник – возможность познакомиться с творчеством автора, которого сравнивают с Вирджинией Вульф за глубину психологического анализа и с Юкио Мисимой за напряжённый интерес к границам человеческого бытия. Для современного читателя проза Каноко звучит удивительно актуально: её вопросы о природе счастья, одиночества и духовного поиска остаются без ответов – а значит, требуют нового прочтения.

«Истина не в словах, а в том, что сквозит между ними» – эту фразу самой Окамото Каноко можно поставить эпиграфом ко всей её прозе. Пусть же ваше знакомство с этим сборником станет не просто чтением, но диалогом с автором, для которого литература была путём к просветлению.

P.S.

Пот

– Деньги вспотели! – сказала Урако, дочь домовладельца Каватти, и раскрыла ладонь перед Мацудзаки. В середине мягко округлого бугорка мясистой части руки, напоминающего холмы вокруг Рима, тускло поблескивала влажная монета в одну иену.

Урако с детства страдала слабоумием – последствием тяжелого менингита. В девятнадцать лет ее ум оставался на уровне шестилетнего ребенка. Но, возможно, потому что силы развития, предназначенные для мозга, устремились в тело, от природы заложенная в ней красота расцвела, словно налитая своей жизнью. Она была подобна пиону, к которому добавили пышность камелии. В округе ее прозвали «живой куклой Кавати».

Урако была единственной дочерью. Родители, жалея ее, баловали. Из упрямства, свойственного родителям слабоумного ребенка, они решили во что бы то ни стало найти ей в мужья самого способного юношу и приготовили для этого все условия. Дом Кавати был самым состоятельным в пригороде Токио, в местечке Х.

Трое выпускников государственных университетов вызвались стать кандидатами в женихи. Но после встречи с Урако все они отказались. «Бумаги! Бумаги!» – могла кричать Урако, сидя в уборной с открытой дверью и требуя, чтобы будущий муж принес ей туалетную бумагу.

Мацудзаки не был кандидатом в женихи. Он приехал, услышав слухи, просто из любопытства посмотреть на девушку. Мацудзаки любил ловить рыбу аю, и под этим предлогом, с рекомендательным письмом от дяди-рыбака, он остановился у Каватти. Рядом с местечком Х протекала река Сэгава, где водилась аю, и в сезон там было многолюдно. Мацудзаки, здоровый молодой человек, выпускник технического вуза, уже получил место на руднике в Тохоку, куда должен был отправиться осенью.

Родители, потеряв надежду найти зятя, старались хотя бы научить Урако простейшим бытовым навыкам, чтобы та могла обслуживать себя.

Незадолго до приезда Мацудзаки Урако начала тренироваться ходить за покупками в город одна – мать давала ей деньги.

Во дворе тяжело цвели глицинии. На клумбах вокруг альпийской горки тонкие соцветия наперстянки колыхались, как холодные языки пламени. В пруду карпы, охотясь на первых комаров, шумно плескались в теплой воде. Душный, знойный июньский вечер.

Мацудзаки, вернувшись с реки, разбирал снасти на веранде. В воздухе витал удушливый запах только что пойманной молодой аю. И тут появилась Урако.

– Деньги вспотели! – сказала она, возвращаясь.

– Господин Мацудзаки, можно купить на эти деньги сэмбэй?

Из-за этого сомнения она так и не дошла до лавки с солеными рисовыми крекерами, развернувшись на полпути.

Мацудзаки округлил глаза и посмотрел на лицо Урако. Высокий, с горбинкой нос. Щеки, округлые, точно выточенные, с ямочками по бокам. Полные, ярко-красные губы. И под дугами бровей – черные глаза, смотревшие в никуда, словно в тумане. Высокая прическа в стиле такасиада, кимоно из меланжевого шелка – и ни тени смущения. Мацудзаки опустил взгляд на ее ладонь. В округлом бугорке мясистой части руки, классическом и юном, как холмы Рима, монета уже почти просохла.

Мацудзаки невольно схватил Урако за запястье. Потом снова поднял глаза на ее лицо. В этот момент на его лице явственно отразилось волнение, будто изнутри разрывавшее кожу.

– Можно купить на эти деньги сэмбэй?

Лицо Мацудзаки выразило решимость. Он вздохнул и поцеловал прелестную ладонь Урако.

– Можно. Конечно можно. Давай я пойду с тобой. И отныне буду ходить с тобой за покупками всегда.

Этой осенью Мацудзаки женился на Урако и уехал с ней на рудник в Тохоку.

Эта история случилась в те времена, когда были в ходу крупные, добротные на вид серебряные монеты в одну иену.

1933

Мост

С самого детства я почему-то очень любила мосты. Перейти с одного берега на другой по искусственному сооружению – эта простая человеческая утилитарность, должно быть, будоражила моё детское любопытство. Но если бы дело было только в этом, мне хватило бы любой обуви, чтобы просто перейти по нему. Однако у меня был свой ритуал. На любом мосту я должна была ткнуть носок новых *хиёри-гэта* (деревянных сандалий для хорошей погоды) в доски, чтобы раздался звук «кон», а затем опустить пятку – «карари».

Кон... карари.

Если мне удавалось пройти от одного конца моста до другого, сохраняя этот ритм, я чувствовала глубочайшее удовлетворение и радостно подпрыгивала на месте. Мама говорила: «Это у неё такая причуда, лучше дайте ей делать, как она хочет. А то, если запретить, эта „зараза“ засядет внутри и сделает хуже» – и часто покупала мне новые *хиёри-гэта*. Обычно с красно-желтыми ремешками.

Хотя мама хорошо понимала детские причуды, она не замечала слёз, которые я неизменно проливали на мосту. Я шла от края и, достигнув середины, вдруг оглядывалась по сторонам. Внизу текла холодная вода. Впереди виднелся незнакомый город на другом берегу. А позади, далеко-далеко, оставался мой дом. Меня охватывало чувство одиночества и странной свободы, и слёзы текли сами собой. Над головой – высокое солнце. Возможно, я любила мосты именно за эти моменты, когда могла полностью раствориться в таком мире.

Однажды ранней весной, в ясный день, мне снова захотелось пройти по мосту, и я отправилась к ближайшему в городе. Он был недлинным, но свежепереложенные доски ещё хранили влажность невысохшего дерева и звенели особенно приятно. У въезда росла необычно большая ива, чьи почки уже начинали распускаться, серебрясь на ветру, словно острия копий.

В тот раз, закончив переход, я, как обычно, радостно подпрыгнула – и вдруг из-за дерева выскочил грязно одетый мужчина и схватил меня.

– Ах ты, малявка! Каждый день топаешь своими сандалиями – спасу нет! Ладно, я их у тебя заберу!

Он вырвал у меня *гэта*, и я убежала в слезах. Этот мужчина был хозяином кузницы у моста. Когда-то его семья была зажиточной, но при его отце они обеднели, и он винил в этом нашу семью. Вот и мстил мне, бедной девочке.

Мама, выслушав мои слёзные переживания, тут же послала слугу вернуть сандалии. Их принесли обратно. Но я затаила глубокую обиду. И больше не ходила по тому мосту.

С годами моя страсть к мостам понемногу угасла – сначала в юности, потом после замужества. Но когда решилась моя поездка в Европу, она неожиданно вспыхнула с новой силой. Возможно, мысль о мостах, по которым мне предстояло пройти за границей, снова разожгла её. А вместе с ней всплыла и та детская обида, будто привязанный к моим воспоминаниям груз. Мне стало страшно. Но, несмотря на это, я купила новые *хиёри-гэта* и тихонько положила их на дно чемодана. Красно-жёлтые ремешки были уже неуместны – я выбрала чёрные с узором из алых крапин.

Осмотрев Венецию, я уезжала рано утром, пока ещё было темно. Со ступеней отеля, поросших мхом, я села в гондолу. Оставив слева силуэт острова Мурано, мы выплыли в Большой канал. Ночной город был ещё лишь тёмной массой, но фонари на сваях и отражения железных светильников на стенах обозначали путь по воде.

Вскоре над нами, будто корона, возник мост Риальто. Я попросила гондольера причалить к нему. Из сумки я достала те самые *хиёри-гэта*, которые не надела ни на Лондонский мост над Темзой, ни на парижский Пон-Нёф.

Мост был выгнут, почти как барабан. Поднявшись по каменным ступеням, я увидела по обеим сторонам лавки. За закрытыми старыми дверями угадывались магазинчики обуви и украшений. Днём, с берега, они казались пышными, как кареты XVII века, но вблизи оказались самыми обычными. Мне это понравилось.

На втором этаже второго от угла дома тусклый свет пробивался из окна – даже здесь, на мосту, чувствовались отголоски чьей-то жизни. Если бы не это, я могла бы забыть, что нахожусь не в переулке, а на мосту.

От восточного конца к западному, обратно – я набралась смелости и прошлась, звонко стуча гэта. Зимняя брусчатка, покрытая инеем, звенела под ними в венецианском воздухе.

Было ли это исполнением того детского желания? Или мстью за ту обиду? Я получила удовлетворение – но не совсем то, которого ждала.

– Ах, как хорошо, что я дожила до дня, когда могу пройти по такому мосту...

Тень кошки мелькнула рядом и сжалась у окна одного из домов.

1933

Любовь, о любовь

Когда я думаю об этом человеке – невольно сжимаю кулаки. Ради жизни с ним готова терпеть и тяготы быта, и ненавистные светские условности, пусть даже через силу. Ради него готова сдерживать слёзы и стерпеть любое унижение.

Этот, знакомый до каждой чёточки, с кем встречаюсь каждое утро и каждый вечер – и каждый раз нахожу в нём что-то новое. Мир называет его «взрослым среди взрослых», но мне он кажется ребёнком. А он, в свою очередь, всё ещё смотрит на меня как на дитя и тревожится за меня. Мы в изумлении глядим друг на друга: как ухитрились устоять среди бурных волн этого бренного мира?

Мы всё чаще молчим. Порой проходит целый день без слов. Но ни один день не проходит без душевной связи. Первый снег во дворе, на который он указывает взглядом. Воробьи под карнизом, к которым он прислушивается – и я вместе с ним...

Сколько молодых людей когда-то сошло с моей дороги, побеждённых им! Если вдуматься – он взял на себя немалый грех. Но разве найдётся тот, кто сможет возненавидеть его нынешнюю умиротворённость? Те, кто со стороны наблюдал, как он годами защищал меня, наверняка уже оставили обиды в прошлом. Сколько из них уже стали отцами... И если встретят его – несомненно, протянут руку с теплотой.

А я... как я вообще сумела выдержать его? Лёд, таявший в воде долгие годы... От этих воспоминаний наворачиваются слёзы.

Одену его в кимоно – будет покорно носить кимоно хоть неделю. Подам европейский костюм – молча наденет и его. Прямо как дурачок. И при этом вечно лезет с советами насчёт моей одежды! Радует, когда я надеваю что-то пёстрое. А однажды купил мне платье – такое яркое, что его разве что подростки носят. Я спросила: «Зачем?». Он ответил: «У нас нет дочери – вот я и наряжаю тебя. А то в доме без красок слишком уныло».

Как ни уговаривай – он ни за что не расстанется с французской пижамой. Когда мы возвращались из Европы, наш ребёнок, оставшийся в Париже, купил её ему на прощание. Толстая верблюжья шерсть. Он носит её и зимой, и летом. Говорю: «Летом же вредно!» – не слушает. А ложась спать, бормочет: «Как там наш ребёнок?».

Когда думаю о детях – тоже ночами не сплю. Наш единственный ребёнок, которого я, ненадёжная мать, всё же кое-как вырастила. Тот, кто с моей благословения уехал за границу, кто путешествовал с нами по Европе. Кто, повзрослев, спрашивал, сколько кусочков сахара положить мне в кофе. Кто один приезжал к нам из Франции в Англию. С кем мы в Париже, взявшись за руки, восхищались Шалепиным.

А теперь лишь письма от него скрашивают наши дни в Японии. Особенно зимними вечерами, при свете лампы, я читаю его строки о парижской мастерской и тоске по родине – и тут же буджу его. Обычно его не разбудишь, но в такие ночи он встаёт легко. Мы пьём чай со слезами на глазах...

А за окном тихо завывает зимний ветер.

1933

Моти

Муж улыбался, занимаясь приготовлением моти.

«Чему это вы улыбаетесь?» – спросила жена, готовя в кухне бульон для дзони.

Зная, что на новогодние праздники они уедут, они заранее разослали открытки с извинениями, что не смогут принимать гостей. Поэтому в доме не было ни души. Горничную они ещё до «семи трав» отпустили встретить Новый год с родными. В тишине дома остались только они двое. Орхидеи из оранжереи благоухали на красной фетровой подстилке. Даже дзони они готовили вместе уже третий день.

Муж перевернул моти, поджаривая их с другой стороны, и наконец заговорил:

– Помнишь, той осенью мы обручились, а на следующий Новый год я впервые пришёл к тебе с визитом? Что-то было не так – мне подали непрожаренные моти.

– Боже, вы впервые об этом говорите! Никогда раньше не упоминали!

Жена раздвинула бумажную дверь и высунула бледное лицо в гостиную. Муж повернулся к ней с улыбкой.

– Не настолько это было важно, чтобы помнить. Но вот, готовлю моти – и вспомнил. Ты тогда сама стряпала дзони, да? Хотя, пока я ел, твоя мама так и сказала.

– Да, именно так, как она объяснила. В тот день мама сказала: «Сегодня придёт Синьити, так что всё угощение должна приготовить ты сама. Это будет по-настоящему». Меня буквально заставили!

– Всё остальное было прекрасно, но моти недогоотовили.

– Я же жила в пансионе при миссионерской школе! Могла отличить хороший пудинг от плохого, но как стряпать моти – понятия не имела и интереса не проявляла. Так что... вы тогда, должно быть, презирали меня, раз ели недогоотовленные моти?

– Наоборот. Я подумал: девушка, которая подаёт такие моти, наверное, очень искренняя.

– Ах, это же просто ложь!

– Нет, правда.

Жена ненадолго скрылась за дверью, но вскоре вернулась, неся на подносе кастрюлю с готовым бульоном для дзони, и села рядом с мужем.

– И почему же девушка, подающая недожаренные моти, должна быть искренней?

– Ну, слушай. У меня был женатый друг, и я знал его супругу. Готовила она прекрасно, по хозяйству всё делала безупречно. Но при этом была расчётливой и холодной. Друг постоянно жаловался: «Моя жена всё пережаривает». Я это слышал так часто, что твои недожаренные моти почему-то тронули меня.

Жена взяла решётку для моти с жаровни и сказала: «Хватит готовить моти. Когда вы решаете помочь, никогда не знаешь, что вынесет из вас в следующий раз...».

(Она смутилась.)

Подумав так, муж улыбнулся и покорно подчинился.

1933

Любопытная хозяйка

События, произошли между половиной двенадцатого и полуднем. Поддавшись обаянию тёплого весеннего дня, озарённого мягким солнцем, госпожа Ханako вновь вышла к воротам, откуда три часа назад проводила мужа. Искусная вышивка, выполненная с таким мастерством, что каждая нить отливала глянец. За оградой, отделявшей дом от соседского владения семьи Куниэда, ветви айвы густо усыпали золотисто-алые бутоны. Там беспокойно кружил неясный силуэт смуглого мужчины лет сорока.

– Я родственник Куниэды. Мне срочно нужно отправиться в путь, но оставленные в этом доме вещи никак не забрать – там никого нет, и я в затруднении.

Молодая, добрая и чрезвычайно любопытная госпожа Ханako не могла остаться равнодушной, тем более что знала: семья Куниэда с утра отправилась к знакомым в Накано. Когда невестка и свекровь Куниэда уходили, они накрепко заперли дом – но вдруг где-то осталась щель? Вместе с мужчиной она обошла все соседские двери, проверяя каждую. Увы, тщетно.

– Как же вам не повезло! Может, у вас есть родня в Йокогаме, в доме свекрови госпожи Куниэда?

– Да, я как раз из той самой семьи свекрови Куниэда из Йокогамы.

Чем больше мужчина повторял слова госпожи Ханako, тем сильнее она ему доверяла и сочувствовала.

Госпожа Ханako взвизгнула и с преувеличенным жаром принялась убеждать жену штукатура из соседнего дома, что необходима лестница. Одолжив средних размеров лестницу, она заставила мужчину помочь: добраться до верхнего стеклянного окна ванной комнаты Куниэда, придержала низ шаткой лестницы для неуверенно двигавшегося мужчины, помогла ловко поддеть стеклянную дверь – ипустила его в дом.

Примерно через полчаса мужчина распахнул парадную дверь Куниэда изнутри и вышел с довольно увесистой котомкой в руках. Не сказав ни слова благодарности госпоже Ханako, столько для него сделавшей, он с поистине бесстыдным выражением лица быстро зашагал прочь. Этот мужчина был вором, промышлявшим кражами со взломом в токийских районах вдоль линии Яманотэ.

1934

Бедные жёны

В величественном кинотеатре, выделявшимся среди развлечений большого города, уже давно начался вечерний сеанс. Перед заполненным залом разворачивалась пышная любовная сцена. У главного входа билетёрши, наконец оставшиеся без дела, увлечённо болтали о пустяках.

Вдруг вбежала женщина. Волосы растрёпаны, глаза налиты кровью, всё тело дрожит. Девушки, удивлённые, спросили, в чём дело. Та, запинаясь от волнения, выпалила: «Я узнала, что мой муж пришёл сюда со своей любовницей! Дома ребёнок мучается. Весь в жару! Я оставила его с нашим врачом и помчалась сюда за мужем. Умоляю, найдите его скорее!».

Девушки, проникшись сочувствием, спросили её имя и имя мужа. Но даже в таком состоянии женщина колебалась – назвать имя означало публично опозорить его. В замешательстве несчастная твердила: «Ради нашей чести, я не могу назвать имён! Просто найдите мужчину, который пришёл с любовницей! Ребёнку плохо, поторопитесь!».

Билетёрши настаивали: «Без имени мы ничего не сможем сделать».

Но женщина лишь умоляла: «Придумайте же что-нибудь!».

Девушки совсем растерялись. Однако одна сообразительная взяла табличку и написала на ней дословно слова женщины, затем поставила у сцены:

«Внимание мужчине с любовницей! Ваша законная супруга ждёт вас у главного входа. У ребёнка высокая температура. Немедленно явитесь!»

В зале мгновенно поднялся переполох. С разных рядов поднялись уважаемые господа и устремились к выходу. Их оказались десятки.

Ошеломлённые билетёрши могли лишь развести руками. Подумав о всех женах на свете, они искренне пожалели их.

1935

Неведомые чайные дома

В эпоху Гэнроку и Кёхо (1688—1736 – прим. ред.) в Западной Японии жили два дзэнских монаха – Хоган и Энцу. Оба были духовными наследниками знаменитого наставника школы Обаку – Докутана, а их отрешенный от мирской суеты нрав сделал их близкими друзьями.

Хоган, человек учёный и строгих правил, отличался, однако, своеобразной праведностью. Как-то раз, проходя мимо театра в сопровождении учеников, он и не подозревал, что это за место. Младшие монахи, страстно желавшие посмотреть представление, воспользовались его неведением:

– Наставник, в этом здании хранится множество святынь. Не войдём ли поклониться?

Хоган на мгновение задумался, затем махнул рукой:

– Сегодня у нас неотложные дела, некогда отвлекаться. Но раз уж вы сказали, мимо пройти нельзя. Хотя бы в знак духовной связи...

С этими словами он подошёл к билетёру и сложил ладони в почтительном поклоне.

Энцу, напротив, был беспечен и чудаковат. Однажды кто-то попросил у него каллиграфическую надпись. Монах, вдохновлённый моментом, начертил что-то витиеватое в скорописном стиле и вручил свиток просителю. Тот, восхищённый изящными линиями, с трудом разбирая написанное – настолько неразборчивым был почерк. Вернувшись к Энцу, он попросил разъяснений, но оказалось, что даже сам автор не мог прочесть свои каракули. Однако монах ничуть не смутился:

– Мой ученик по имени С. привык к моему почерку. Отнесите ему – он быстро разберёт.

Вот таким он был человеком.

Хоган обычно жил в Кии, а Энцу – в Осаке. Но по делам службы оба случайно оказались в Киото и задержались там. Когда такие двое встречаются, не удивительно, что случается нечто странное.

Среди киотских увеселительных кварталов славился Симабара, основанный ещё при третьем сёгуне Иэмицу. Но как раз в то время в квартале Гион: открылись новые «чайные дома», ставшие предметом городских пересудов как самое модное место развлечений. Слухи дошли и до наших монахов. Конечно, они не вникали в суть молвы, да и по характеру своему едва ли могли её понять. Просто решили:

– Раз уж мы в Киото, почему бы не взглянуть на эти знаменитые «чайные дома»?

С таким незамысловатым намерением они и отправились на их поиски.

Улицы квартала красовались щёголями в ослепительно-алых нательных рубахах, выглядывающих из-за воротников, в яично-жёлтых шёлковых кимоно, узорчатых накидках, мешковатых таби, с длинными мечами за поясом. На их фоне двое монахов в рясах выглядели более чем странно. Они бродили мимо домов с опущенными шторами, откуда доносились зазывные голоса: «Заходите, заходите!» – и, решив, что для «исследования» лучше выбрать самое внушительное заведение, смело вошли в один из роскошных особняков.

– Я – дзэнский монах Энцу из храма Хофукудзи в Сэтцу. А это мой спутник – Хоган из храма Комёдзи в Кии. Если хозяин здесь, мы желали бы его видеть, – чопорно объявили они.

Привратница передала слова, и хозяин чайного дома изумился. Он не знал, зачем явились монахи, но имена Хогана и Энцу были у всех на устах как праведников. Не желая показаться невежливым, он проинструктировал служанок, те почтительно проводили гостей в главный зал, усадили в почётные места, а сам он вышел в хакама и накидке, чтобы поприветствовать их.

Хоган, впечатлённый, обратился к Энцу:

– Ну как, разве чайные дома не соблюдают этикет?

Хозяин поинтересовался целью визита, но особых дел не нашлось. Из разговора стало ясно, что монахи, в своей святости, представляли «чайные дома» чем-то простым и невинным и пришли просто из любопытства.

Хозяин, Сиробэй, сначала подумал: а не предложить ли им обычные развлечения за деньги? Но, взглянув на гостей, увидел, что те далеки от мирского – чисты, как дети. Мысль познакомить их с нравами квартала показалась ему кощунственной.

Более того, за их детской непосредственностью угадывалось нечто пугающее – будто они знали всё на свете, но намеренно притворялись простаками. Сиробэй почувствовал: если показать им то, что пленяет обычных людей, они лишь усмехнутся: «И это всё?» – а заодно прочтут его собственные низменные помыслы. Он задумался: как же их принять?

Был летний вечер. Служанки подали праздничные рисовые колобки в бамбуковых листьях и землянику из Аватагути – сезонные киотские деликатесы. Девушки были в лёгких голубых кимоно, с небрежно завязанными оби, с высокими причёсками «симада» без единой выбившейся пряди. Их белоснежная кожа, тщательно подкрашенная к вечеру, буквально излучала свежесть.

Энцу с самого начала пристально разглядывал их и наконец воскликнул:

– О, какие прекрасные девицы! Хозяин, вам, как отцу, должно быть, радостно воспитывать таких дочерей!

Он решил, что все они – родные дочери хозяина.

Услышав это, Сиробэй окончательно оставил мысль о «развлечениях». Он поклонился и удалился, решив угостить монахов как почтенных наставников, которых миряне почитают дарами.

Ничего не подозревающие монахи с удовольствием принялись за угощение, беседуя с хозяином и служанками. Наконец Хоган сказал:

– Хозяин, раз уж мы здесь встретили вашу семью и удостоились столь радушного приёма, это, видимо, кармическая связь. Не упустим же случая – я научу ваших дочерей «Трёх прибежищам». Пусть все сложат ладони и повторяют за мной.

– Отличная мысль! – поддержал Энцу.

Хозяин и служанки, переглянувшись с лицами, будто одержимыми лисами, окружили монахов и, сев в круг, сложили ладони. В зале воцарилась тишина.

Поднялся вечерний ветер, шевеля зелёные шторы. В политом водой саду темнели камни с гор Курама, между ними стройно росли молодые бамбуки. В этом уголке «весёлого квартала» наступило мгновение необычайной чистоты и покоя.

Из соседнего павильона за рощей донёсся напев:

«Прожив немало лет, я вижу —

В Ава-но-Наруто и волн нет...»

А в этом зале зазвучал спокойный, чуть хриловатый голос Хо: гана:

– Наму киэ буцу...

– Наму киэ хо...

– Наму киэ со...

Девушки невольно подхватили молитву. В их сердцах пробудилось незнакомое доселе чувство – светлое и глубокое. Сложенные ладони сами собой сжались крепче, а по щекам потекли слёзы – сладкие, лёгкие, будто сами собой наполнившие глаза.

– Наму киэ буцу...

– Наму киэ хо...

– Наму киэ со...

Все повторили за монахами. В каменном бассейне, где вода сверкала, как хрусталь, отразился бледный серп луны.

Закончив, монахи сказали:

- Ну, пора идти. Хозяин, сколько с нас?
- О, с духовных лиц мы ничего не берём.
- Хо-хо, вот это щедрость!

Они вернулись в храм, где гостили, и с восторгом рассказали молодым монахам о своём «исследовании» чайных домов, добавив:

– Теперь понимаем, почему молодые монахи стремятся туда. Место прекрасное: вежливые хозяева, угощают даром. Вам тоже стоит ходить!

Молодые монахи, знавшие настоящую суть чайных домов, после этого рассказа навсегда оставили свои тайные посещения.

А в чайном доме Сиробэя в Гионе служанки перешёптывались:

– Что это за старцы были? Всего на час, но они пробудили в нас такие глубокие чувства! Сколько у нас было возлюбленных, но никто не давал такого ощущения...

1935

Брат и сестра

Весна более двадцати лет назад.

Брат был в фуражке Первой высшей школы. Его хаори и кимоно из качественного крашеного полотна идеально сочетались. Сестра – в кимоно с лиловым узором и светло-фиолетовой накидке.

Конец марта. В полях звенели жаворонки, а за лесом алел закат. Деревья уже выпустили редкие, ещё совсем юные почки. Ветер становился холоднее.

Поезда, идущие из центра Токио в пригород, то и дело грохотали совсем рядом с шагающими по старой дороге в равнине Мусасино. Сестра вспоминала, как раньше, до появления поездов, она возвращалась из школы-пансиона домой на рикше – простой и привычный путь. Но теперь, на весенних каникулах, они с братом могли идти вместе: он жил в общежитии Первой высшей школы, неподалёку от её пансиона. Это было так радостно!

Они шли уже два ри (около 8 км). Усталость разлилась приятным теплом по телу, но подол хакамы оставался прохладным, а ноги в плотно зашнурованных ботинках – тёплыми. Высохшая дорога мягко принимала её стройный девичий вес. Они намеренно не сели в поезд – хотели пройти по весенней равнине Мусасино, пока были силы.

– Кими...

Так брат неизменно начинал разговор с сестрой. Возможно, потому, что, увлекаясь зарубежной литературой, привык к обращениям вроде: «Послушай, Иван Иванович...» или «Мадемуазель Ивонн, вы...». Любившая литературу сестра заслушивалась его красивым, мужественным голосом с правильным французским акцентом. Но слова брата были грустными, полными тоски, философских сомнений и тревог юности.

– Куникида Доппо твердил: «Хочу удивляться!», но при этом так боялся случайностей судьбы (брат уже рассказывал сестре о его новелле «Фаталист»). Мы, молодые, учимся у натуралистов и сторонников «искусства мгновения», но в то же время бесконечно ищем вечность. Представь: через десятки тысяч лет Земля остынет, человечество погибнет – и всё, что мы создали в литературе и философии, исчезнет. Разве это не ужасно?

...И снова:

– Вот мы идём, любуясь природой. Смотрим на закат, слушаем птиц, любимся лесом, радуемся дороге... свистим, поём с тобой дуэтом... Но любит ли природа нас в ответ? Нет, она совершенно равнодушна! Если я или ты сейчас упадём замертво – разве хоть одна ветка в том лесу дрогнет? Вряд ли даже молодой листок шевельнётся от этого...

(Равнодушие природы к человеку он особенно остро ощутил после прочтения «Записок охотника» Тургенева, где дровосек гибнет под упавшим деревом.)

Но сестра была ещё слишком юна. Она не могла разделить сомнений брата и проникнуться его печалью. Видеть, как страдает любимый брат, было для неё просто мучительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.